

— Первоначальная печать, поставленная усилиями твоей семьи, рушится, оставляя ту, что оставила Кам несколько лет назад, когда ты рассказала ей обо мне, — Оками не нужно было ждать вопроса, она и без этого считывала мысли пепельноволосой, как свои собственные. — А это могло произойти только в одном случае...

Изумрудные глаза уставились на демона в поисках ответов, но вызывали только головную боль. Что-то упорно хотело проникнуть в её голову и, спустя мгновение, девушка наконец впустила Оками, позволяя той показать воспоминания двенадцатилетней давности.

Они были обрывчатыми, Мори то и дело морщилась от боли, сковывающей её тело, стараясь понять происходящее, ведь волчица видела всё через призму ненависти к этим людям, которые снова запечатывали её в тело невинного ребёнка, стараясь скрыть это от Четвёртого Хокаге, в надежде, что их сил хватит. Печать, поставленная под грудь ребёнка, забирала слишком много чакры, молодая женщина умерла почти сразу же, оставляя Кам и двух мужчин наедине с ребёнком. Печать должна была сдерживать демона до тех пор, пока жив хотя бы один представитель клана, они надеялись на беспроblemное будущее, но смерть матери Рей в итоге загнала их всех в ловушку. После умерли и двое мужчин — это случилось во время нападения на Коноху Девятихвостого Демона-Лиса, правда один из них числился пропавшим без вести, но это вынуждало Кам считать дни до собственной смерти. Она до последнего надеялась, что её внучке удастся подавить натуру демона, именно поэтому старшая Мори запрещала ей заниматься и становиться шиноби, но гены просто так не остановишь. Женщине пришлось поставить ещё одну печать, которой с ней когда-то поделилась Кушина Удзумаки. Она не могла остановить демона, но каждая попытка использования чакры Оками заканчивалась тем, что любых усилий требовалось вдвое больше обычного, а сама волчица оказалась связанной с Рей до конца жизни. Она потратила год, пытаясь найти подходящий способ мести, надеясь выбраться наружу и вновь стать свободной, но попытки были тщетны. К тому же её новый Сосуд оказался весьма сговорчивым ребёнком, стараясь наладить контакт, что немало удивляло волчицу. Обычно её силой грубо пользовались, используя Оками как источник чакры, совершенно не заботясь о ней самой...

— Хватит, — строгий голос не позволил Рей и дальше пребывать в воспоминаниях волка, она и так пустила девчонку слишком далеко, позволив ей увидеть больше, чем следует. Оками знала, насколько сильно затягивают воспоминания других людей, их хочется смотреть и пересматривать, совершенно забывая о течении времени. Но Рей не могла и не должна была ждать, как и волчица не хотела становиться причиной ещё одного горя. — Тебе пора.

Мори почувствовала, как её выкинули из собственного сознания. Увиденное оставляло след на девушке, она хотела всё обдумать как следует, но правда настигла её раньше. Если печать действительно исчезала, причиняя такую боль, значит обаасан была в опасности, отчего она слишком резко вскочила с кровати, с трудом удерживаясь на ногах.

Путь, который Рей обычно преодолевала за несколько секунд, теперь казался ей бесконечным. Каждый шаг отдавался болью в груди, и девушка не знала, что с ней делать. Она не знала, чего ожидать, когда открыла дверь комнаты обаасан, увидев старушку в постели. Рука Кам пыталась достать до стакана воды, стоявшего на кровати тумбочке, но женщина настолько ослабла, что не могла пошевелить и пальцем.

— Обаасан! — Рей бросилась к ней, радуясь, что успела, только вот вид старушки не предвещал ничего хорошего. На окно приземлился один из АНБУ, они должны были держать ситуацию под контролем и помочь в случае опасности. — Обаасан, пожалуйста...

Кам знала, что ирёнины не успеют, слишком уж быстро жизнь вытекала из неё. Они могли придумать лекарство от жутких ран, вытащить человека из комы, но никто не мог сделать что-то против старости, остановить её или, хотя бы, замедлить. И смерть, чью руку на своём плече Кам и так чувствовала слишком долго, наконец добралась до неё, требуя платы за жизнь.

Она знала, что у неё не будет времени попрощаться с внучкой как следует, драгоценные секунды ускользали из рук словно вода. К тому же Кам знала, что повлечёт за собой её смерть, если уже не повлекло. От глаз старой женщины не укрылось хмурящееся лицо внучки от каждого шага, трясущаяся рука, поддерживающая тело. Она знала, что печать спадает, только демон не спешил атаковать или вырваться, что настораживало.

— Обаасан, — слёзы выступили на глазах девушки, Рей сжимала руку своей родственницы стараясь передать чакру, надеясь на помощь медиков, но тело Кам отвергло её.

— Оставь, ты ничего уже не сможешь сделать, — прохрипела женщина, чувствуя, как поджигает её время. — Надеюсь, ты простишь меня за то, что я не оправдала твоих ожиданий...

Рей хотела возразить, сказать что-то в ответ, лишь бы немного продлить эти последние минуты с обаасан, но слова вдруг стали какими-то ненужными, пресными, сухими. Пепельноволосая знала, что старшая Мори не нужны слова, чтобы понять всю её боль.

— Защити её, — эти слова предназначались демону-волку. — Я ничего у тебя не просила, но об этом молю. Защити мою внучку.

Шиноби, которого поручили следить за ними, отошёл на кухню. Он знал, что старушку уже не спасти, поэтому не хотел мешать её прощанию с внучкой. Если что-то случится — он успеет предотвратить это, ведь приказ Третьего Хокаге был предельно ясен.

Большее женщина сказать не могла — контроль над телом был утрачен, отчего ей оставалось лежать с открытыми глазами, чувствуя слёзы внучки на лице и руках, и сжимающееся от боли сердце. Она не любила, когда Рей плакала, зная, что в такие моменты ей особенно больно, ведь её внучка не позволяла глупостям себя расстроить. Хоть ей и оставалось недолго, старшая Мори надеялась, что её пепельноволосый волчонок станет лучшим Джинчуурике ежели она и мать девушки.

— Волчонок, — преодолевая боль, Кам в последний раз положила руку на голову девушки, закрывая глаза. Ей оставалось только надеяться, что душа её рано или поздно снова увидится с Рей...

<http://tl.rulate.ru/book/23458/484291>